

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ: ПРЕДВИДЕНИЕ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

С.Г. Кара-Мурза, доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Общие положения

Способность предвидеть будущее, то есть строить его образ в сознании (*воображение*) — свойство разумного человека.

Прежде чем сделать шаг, человек представляет себе его последствия, строит в сознании образ будущего — в данном случае ближайшего. Если этот шаг порождает цепную реакцию последствий (как переход через Рубикон), временной диапазон предвидения увеличивается. Если человек мыслит о времени в категориях Страшного суда как вселенской пролетарской революции или «конца истории» в виде всеобщей победы демократии, то его диапазон предвидения отдалается до горизонта — той линии, где кончается *этот* мир и начинается какое-то Царство добра. Во всех случаях производится одна и та же мыслительная операция — создание образа будущего.

Предвидение позволяет власти *проектировать будущее*, осуществляя *целеполагание*. Это соединяет людей в народы и нации, наполняет действия каждого общим смыслом. Для этой функции необходим поток сообщений особого типа — *Откровения*. Выработка знаний для таких сообщений и их распространение по разным каналам оформились очень рано. Так, сивиллы, которые действовали под коллективными псевдонимами, были важным институтом Малой Азии, Египта и античного мира в течение 12 веков. Они оставили целую литературу — *oracular sibillina* — 15 книг, из которых сохранились 12. «Откровение» тайн будущего (*апокалиптика*) — изначально и поныне являются столь важной частью общественной жизни, что, по выражению немецкого философа, «апокалиптическая схема висит над историей».

Классификация типов знания для предвидения будущего сложилась в религиозной мысли. Эти типы сосуществуют, а периодически теснят друг друга. Так, в истории была эпоха *пророков*. Пророки — выдающиеся личности, гармонично сочетавшие в себе религиозное, художественное и рациональное сознание. Коопера-

тивный эффект взаимодействия всех трех типов знания придавал предсказаниям пророков убедительность и очарование.

Пророки, отталкиваясь от злободневной реальности, задавали траекторию ее движения в очень отдаленное будущее, объясняли судьбы народов и человечества. Воспринятые народом как личности, слышащие глас Божий и избранные Богом для сообщения его Откровения, пророки приобретали такой авторитет, что их прорицания задавали матрицу для строительства культуры, политических систем, социальных и нравственных норм. В их лице соединялись духовные и общественные деятели, выполнявшие ключевую роль в «нациестроительстве».

Пророчество как способ построения образа будущего, не утратило своего значения и в наши дни. В переломные периоды это проявляется наглядно, достаточно вспомнить роль Маркса, который, судя по структуре своего учения, был прежде всего пророком. Пророками были и Махатма Ганди, и Гитлер.

Эпохи пророков можно в качестве аналогии уподобить периодам научных революций, приводящих к смене парадигм. Напротив, в период стабильности, а тем более упадка, предвидение будущего организуется подобно «нормальной науке». С.Н. Булгаков дал обзор этого перехода на примере иудейской апокалиптики [«Апокалиптика и социализм», 1910]. В отличие от пророков, эта деятельность напоминает работу безымянных научных коллективов. Их тексты более систематичны и упорядочены. Они не претендуют на то, чтобы сообщать Откровение самого Бога, а дают *трактовку* прежних пророчеств.

Уже в иудейской апокалиптике возникают формы абстрактного знания, обезличенного и не привязанного к конкретно-исторической обстановке. Его можно уподобить теоретическому изложению «объективных законов исторического развития». Эти тексты были востребованы, поскольку служили людям средством ободрения, особенно в обстоятельствах кризиса. Прогнозы апокалиптиков включали в себя множество сведений из самых разных областей, что придавало им энциклопедический характер. Апокалиптическая литература такого рода — необходимый ресурс революций, войн, катастрофических реформ. И труды марксистов, и доктрина реформ 90-х годов в России — иллюстрация канонов апокалиптики такого рода.

В любом случае предвидение опирается на анализ предыдущих состояний, для чего необходим навык *рефлексии* — «обращения назад». В «откровении» будущего соединяются философия истории с идеей *прогресса*. Это хорошо видно на материале знакомого старшему поколению *исторического материализма* Маркса.

С точки зрения научной рациональности постановка задачи такого предвидения является ложной: из многообразия исторической реальности берется ничтожная часть сигналов, строится абстрактная модель, в которую закладываются эти предельно обедненные сведения, — и на этом основании предсказывается образ будущей реальности. С другой стороны, здесь нет непосредственной возможности услышать глас Божий, как в откровении пророка. Источник истины здесь принимает форму *Призрака*, который не может отвечать на вопросы, но помогает их ставить. Так для Маркса был важен образ Отца Гамлета — как методологический

инструмент. Образом *Призрака Коммунизма*, бродящего по Европе, Маркс начинает свой «Манифест». Но знание надо добывать совмещением пророчества с наукой — следя и за Призраком, и за людьми.

Почему «откровения», стоящие на столь зыбком фундаменте, так востребованы во все времена? Потому, что они задают путь, который, как верят люди, приведет их к светлому будущему. И вера эта становится духовным и политическим ресурсом — люди прилагают усилия и даже несут большие жертвы, чтобы удержаться на указанном пути.

Поэтому прогнозы и имеют повышенный шанс сбыться, хотя изменчивость условий и многообразие интересов множества людей, казалось бы, должны были разрушить слабые стены указанного прорицателем коридора. Макс Вебер писал: «Интересы (материальные и идеальные), а не идеи непосредственно определяют действия человека. Однако картины мира, которые создаются «идеями», очень часто, словно стрелочники, определяют пути, по которым динамика интересов движет действия дальше».

Чтобы «откровение» стало движущей силой общественных процессов, оно должно включать в образ будущего *свет надежды*. Пророчеству, собирающему людей (в народ, в партию, в класс или государство), всегда присущ *хилиазм* — идея тысячелетнего царства добра. Это идея прогресса, выраженная в символической религиозной форме.

Мобилизующая сила хилиазма колоссальна. Более ста лет умами владел хилиазм Маркса с его «прыжком из царства необходимости в царство свободы» после победы мессии-пролетариата. Другой пример – фанатизация немцев «светлым будущим» Третьего рейха, который вынесет эксплуатацию за пределы Германии, превратив славян во «внешний пролетариат».

По словам С. Булгакова, хилиазм «есть живой нерв истории, — историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством... Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном».

Антонио Грамши высказал такую мысль о роли фатализма истмата в консолидации трудящихся: «Можно наблюдать, как детерминистский, фаталистический механистический элемент становится ... практически своего рода религией и возбуждающим средством (наподобие наркотиков), ставшими необходимыми и исторически оправданными “подчиненным” характером определенных общественных слоев. Когда отсутствует инициатива в борьбе, а сама борьба поэтому отождествляется с рядом поражений, механистический детерминизм становится огромной силой нравственного сопротивления, сплоченности, терпеливой и упорной настойчивости. “Сейчас я потерпел поражение, но сила обстоятельств в перспективе работает на меня и т.д.” Реальная воля становится актом веры в некую рациональность истории, эмпирической и примитивной формой страстной целеустремленности, представляющей заменителем предопределения, провидения и т.п. в конфессиональных религиях».

Грамши подчеркивает *созидательную* силу марксистского догматизма: «То, что механистическая концепция являлась своеобразной религией подчиненных, явствует из анализа развития христианской религии, которая в известный исторический период и в определенных исторических условиях была и продолжает оставаться “необходимостью”, необходимой разновидностью воли народных масс, определенной формой рациональности мира и жизни и дала главные кадры для реальной практической деятельности».

В создании образа будущего надежда на избавление сопровождается *эсхатологическими* мотивами. К Царству добра ведет трудный путь борьбы и лишений, гонения и поражения, возможно, катастрофа Страшного суда (например, в виде революции — «и последние станут первыми»). Будучи предписанными в пророчестве, тяготы пути не подрывают веры в неизбежность обретения рая, а лишь усиливают ее.

Эсхатологическое восприятие времени, которое предполагает избавление в виде катастрофы, разрыва непрерывности, с древности порождало множество историй с ожиданиями «конца света» и желанием приблизить его. Но как норму — именно принятие страданий как оправданных будущим избавлением. В революционной лирике этот мотив очень силен. Читаем у Брюсова:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты.

Как писал П. Бурдые, *предвидение* создает «возможность изменить социальный мир, меняя представление об этом мире». Это новое представление, заданное пророчеством, *создает* будущую реальность. Предвидение будущего предполагает «когнитивный бунт, переворот в видении мира». Это — необходимая предпосылка для политического действия.

Бурдые пишет: «Еретический бунт ... противопоставляет *парадоксальное пред-видение*, утопию, проект, программу — обыденному видению, которое воспринимает социальный мир как естественный мир. Будучи *перформативным* высказыванием, политическое пред-видение есть само по себе действие, направленное на осуществление того, о чем оно сообщает. Оно практически вовлечено в [создание]

реальности того, о чем оно возвещает, тем, что сообщает о нем, пред-видит его и позволяет пред-видеть, делает его приемлемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представления и волю, способные его произвести».

Вывод таков: *образ будущего* собирает людей в народ, обладающий волей. Это придает *устойчивость* обществу в его движении, развитии. В то же время, образ будущего создает саму возможность *движения* (изменения), задавая ему вектор и цель. Оба условия необходимы для существования сложных систем, какими и являются общества и народы.

Образ будущего задает народу «стрелу времени» и включает народ в *историю*. Он соединяет *прошлое, настоящее и будущее*, скрепляет *цель времен*. Рациональность «исторических народов» включает в себя, как необходимые элементы, рефлексию (память), логический анализ настоящего, предвидение будущего.

Апокалиптика русской революции

Культура России пережила почти вековой подъем апокалиптики, замечательно выраженной в трудах политических и православных философов, в приговорах и наказах крестьян, в литературе Достоевского, Толстого и Горького, в поэтической форме стихов, песен и романсов Серебряного века и 20-х годов. Этот культурный опыт сегодня актуален.

Исключительно важный для предвидения источник знания — откровения художественного творчества. Они содержат предчувствия, которые часто еще невозможно логически обосновать. Георгий Свиридов писал в своих «Записках»: «Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет. Чем ни более он стихийно одарен, тем интенсивней он возглашает о том, что видит этот свет, эту вспышку, протуберанец. Пример тому — великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен».

Корнями апокалиптика русской революции уходит в иное мировоззрение, нежели иудейская апокалиптика (и лежащие в ее русле пророчества Маркса). В ней приглушен мотив разрушения «мира зла» ради строительства Царства добра *на руинах*. Скорее, будущее видится как *нахождение* утраченного на время града Китежа, как преобразование через очищение добра от наслоений зла, произведенного «детьми Каина». Таковы общинный и анархический хилиазм Бакунина и народников, наказов крестьян в 1905–1907 гг., социальные и евразийские «откровения» Блока, крестьянские образы будущего земного рая у Есенина и Клюева, поэтические образы Маяковского («Через четыре года здесь будет город-сад»). Этому видению будущего противостоял прогрессизм либерализма и классического марксизма. Русская апокалиптика — поучительная война альтернативных «образов будущего». Проективное знание власти в первую половину XX века развивалось в интенсивных дискуссиях. Подобная война нам еще предстоит, и к ней надо готовиться с хладнокровным знанием.

Всякая новая государственность зарождается как политический (и «еретический») бунт. Образ советской власти вырабатывался в полемике с обоими цивилизационными проектами, которые разделили тогда российское общество — консервативно-сословного и буржуазно-либерального. Подобно протестантской Реформации на Западе, этот бунт означал радикальный сдвиг в знании о мире, человеке, обществе и власти в России. Во время перестройки ее идеологи не без оснований уподобляли весь советский проект *хилиазму* — ереси раннего христианства, предполагающей возможность построения Царства Божия на земле.

Предметом предвидения был стратегический вопрос о возможности революции «в одной, отдельно взятой капиталистической стране». Ленин декларировал эту идею в августе 1915 г., что и было «еретическим бунтом» против марксизма. Уже в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс отвергали такую возможность в «отставших» незападных странах. Они писали: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только во всемирно-историческом смысле, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как «всемирно историческое» существование».

Конфликт был радикальным, Троцкий писал в работе «Наша революция» (1922 г.): «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты». Эта позиция была важным элементом идеологии перестройки.

Второй узел противоречий относительно образа будущего России был связан с выбором цивилизационной траектории. Это было сутью раскола, который разделил большевиков и меньшевиков. Речь шла об отношении к крестьянству, за которым стояли разные представления о модернизации — или с опорой на структуры традиционного общества, или через демонтаж этих структур. Представления крестьян о благой жизни (образ чаемого царства справедливости) были подробно изложены крестьянами в годы революции, и перед социал-демократами стоял вопрос — принять их или следовать установкам марксизма.

В послевоенные годы началась деградация советской общественной мысли, и она стала уступать своим оппонентам в полемике об образе будущего.

Кризис индустриализма и апокалиптика Запада

Становление современного Запада происходило в обстановке мощного подъема философской мысли и проектирования новых форм жизнеустройства. Новый всплеск был вызван назревающим кризисом индустриализма, симптомами которого стала перестройка картины мира, I Мировая война и цепь революций в «незападных» странах. Футурологические изыскания 70–80-х годов XX века отличают-

ся от пророчеств и предчувствий Ницше и Шпенглера своим систематическим и организованным характером. Они стали особой институционализированной областью знания, возникла целая сеть организаций, занятых разработкой «образа будущего» — как для всего мира, так и, главное, для Запада.

Примером служит Римский клуб, который заказывал видным системным аналитикам доклады со сценариями развития цивилизации в среднесрочной перспективе. В противовес Римскому клубу была создана «Трехсторонняя комиссия» под руководством З. Бжезинского. Она разрабатывала проекты будущего общества в «полузакрытом» порядке. Действовало множество аналитических центров и государственных, и корпоративных (примеры — Гудзоновский институт или корпорация «РЭНД»).

Первый доклад Римскому клубу «Пределы роста» (1972) сразу вышел на 30 языках тиражом 10 миллионов экземпляров. Более 1000 учебных курсов в университетах использовали книгу как учебное пособие — так готовилась элита Запада. Это было началом практической разработки современной доктрины *глобализации*.

Новый всплеск этой апокалиптики был порожден поражением СССР в холодной войне и необходимостью проектирования Нового порядка. В связи с дискуссией о постиндустриализме особый интерес привлекло усиление в этой футурологии мотива *страха* (показательны книги Жака Аттали). Постсоветский апокалиптический дискурс Запада выполняет функцию *запугивания* и *внушения*, что, впрочем, признается как характерная черта всей европейской интеллектуальной традиции. Ценный материал дала философская дискуссия о террористической атаке 11 сентября 2001 года.

Перестройка и реформа 90-х годов

Проектирование будущего, определение общего вектора развития и конкретное целеполагание, осуществляемые властью и принимаемые (или отвергаемые) обществом, требуют постановки и осмысления *фундаментальных* вопросов бытия. Власть (или оппозиция как тень власти) формулирует их в форме национальной повестки дня, как череду «перекрестков судьбы», актуальных исторических выборов, давая и обоснование своего выбора той или иной альтернативы. На разных уровнях общества эта повестка дня обсуждается в ходе «каждодневного плебисцита».

Революция, которая была объявлена идеологами антисоветской трансформации, казалось, с неизбежностью требовала интенсивных дискуссий о «светлом будущем», которое могло бы оправдать такую катастрофу. Академик Т.И. Заславская в книге-манифесте «Иного не дано» (1988) пишет: «Предстоящее преобразование общественных отношений трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) *социальной революцией*. Речь, следовательно, идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть

сложным, эволюционным процессом, а революцией, *в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами...* Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова "революция"».

Подумайте: главный социолог страны и советник генсека КПСС объявляет, что власть погружает страну в *революцию*, что будет «резкое перераспределение власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами» и «обострение социальной борьбы» — и ни слова о том, какие антагонистические противоречия делают неизбежным такой выбор. Какие классовые интересы столкнулись в середине 80-х годов в стране, где была устранена массовая бедность и безработица, преодолена социальная вражда, вызванная резким расслоением по доступу к главным жизненным благам? В чью пользу произойдет «резкое перераспределение» всего? Безответственность такого доктринерства просто потрясает.

В 1991 г. в программном докладе Т.И. Заславская дала совершенно немислимое обоснование перестройки: «Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 30-х годов и резко углубившееся к 80-м социальное противостояние этих классов носило и носит антагонистический характер...

Больное, прогнившее, резко дифференцированное общество предполагалось сделать здоровым и социально справедливым... Советскому обществу предстоит пройти через серьезные трудности, которые представляют своеобразную «плату» за приобретение к общечеловеческим ценностям...

Единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополистической системы в целях ее замены более эффективной системой «социального капитализма»... Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и «социализированному» капитализму».

При этом она сообщает, что в сентябре 1990 г. на вопрос: «Каким курсом должен следовать СССР в будущем?» за «отказ от социализма и переход к капитализму» высказались 8%! И делает вывод: «Демократическая перестройка, происходящая в нашей стране, была задумана как реформа «сверху», но на практике переросла в революцию «снизу», поддержанную многомиллионными массами». Такова логика у академика-демократа.

Однако важнее, что М.С. Горбачев принципиально отверг целеполагание как необходимую функцию власти, приступающей к трансформации общества. Он с самого начала заявил: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы

хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ».

Никто и не просил у него педантичного ответа, спрашивали о *векторе* изменений.

Отказ от явного целеполагания — признак того, что власть преследует цели, настолько противоречащие интересам страны, что их невозможно огласить вплоть до надежного ослабления общества. В таком случае истинная цель оглашается только после достижения необратимости. Так и было: в Мюнхене 8 марта 1992 г. Горбачев сказал: «Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул». Обнародовать эту цель, будучи президентом СССР, было бы неприлично.

Причины умолчания могут быть и более примитивными, например, желание уйти от ответственности при провале авантюрной программы. Цель не объявляется, а после провала говорится, что «мы этого и хотели». Если есть контроль над СМИ, то катастрофу можно представить как следствие «тоталитарного прошлого», «отсталости народа» и пр. Иногда эти причины совмещаются — начав авантюрную программу и заведя страну в тупик, власть идет с повинной не к собственному народу, а к геополитическому противнику и «сдает» страну.

И все же на исходе перестройки и в 90-е годы вектор движения было довольно легко реконструировать — и по словам, и по делам. Однако когнитивная структура «советской апокалиптики» уже находилась в состоянии полного распада. Важная часть обществоведения была полностью несостоятельной. Отметим вехи в развитии ее кризиса.

Деградация когнитивной основы советской и постсоветской апокалиптики

Уход власти от ясного целеполагания – симптом глубокого кризиса. Если интеллектуальную команду Горбачева или Ельцина еще можно было подозревать в саботаже, то после 2000 года более вероятным объяснением является низкая квалификация. Сегодня власть молчит, не пытаясь изложить свое представление о будущем, а если и говорит, то так, что каждое слово порождает кучу недоуменных вопросов. Речь власти стала не средством *объяснения* (от слова «ясно»), а средством *сокрытия* целей и планов, если таковые имеются. Недаром при власти кормится целая рать толкователей («политологов»). Поскольку и у оппозиции дело не лучше, это надо считать следствием общего неблагополучия в культуре.

Можно представить такую цепочку срывов.

– Сильное потрясение когнитивной структуры вызвала акция Хрущева по *профанации* целеполагания. В конце 50-х годов идеологическая власть стала уходить от фундаментальных вопросов, раз за разом подрывая иерархию ценностей и смешивая ранги проблем. Как правило, это смешение имело не случайный, а на-

правленный характер - оно толкало сознание к *принижению* ранга проблем, представляя вопросы исторического выбора как технические решения, автономные от проблемы добра и зла.

Еще в 30-е годы Н.И. Бухарин мог критиковать поэтические образы будущего у Блока и Есенина. Он верно определял несовместимость прозрения Блока с антропологией марксизма: «С великой болью Блок угадывал по вечерним кровавым закатам и грозовой атмосфере грядущую катастрофу и надеялся, что революционная купель приведет к новой братской соборности... Но разве эта опозитизированная идеология, эти образы, эти поиски *внутреннего*, мистического смысла революции лежат в ее плане?.. Это воспевание новой расы, азиатчины, самобытности, *скифского* мессианства, очень родственное философской позиции Блока, не напоминает ли оно некоторыми своими тонами и запахами цветов евразийства?».

Так же верно оценил Бухарин несовместимость с марксистской апокалиптикой «производительных сил» есенинского образа светлого будущего — где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где «дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченою брагой». По словам Бухарина, «этот социализм прямо враждебен пролетарскому социализму». Это был спор о выборе цивилизационного пути. В программных выступлениях Хрущева цель определялась в терминах «догнать Америку по мясу и молоку», а спорить приходилось с образами Евтушенко. Уже не «пели в земле святые корни».

– Способом отхода от целеполагания стало смешение *векторных* и *скалярных* величин. Это привело к глубокой деформации понятийного аппарата и, фактически, означало прекращение попыток представить образ будущего. Сама идея коммунизма была таким образом подвергнута профанации и перестала «работать». Именно в этом смысле период Брежнева был *застойным*. Движение требует постоянной ориентации «по звездам», но эта функция не выполнялась, решения принимались ситуативно, как ответ на угрозы, которых не могли вовремя разглядеть в тумане. Скорее всего, Горбачев и его команда поначалу действительно не могли бы сказать, «где они посадят самолет».

Эта методологическая слабость в полной мере проявилась после 2000 года, вследствие чего нефтедоллары и не помогли остановить процесс деградации хозяйства и социальной сферы. Дело дошло до того, что в 2006 г. Греф объяснял, что надо делать с лишними деньгами, которые душат Россию: «У стабилизационного фонда есть две функции. Первая функция очень малопонятна - это функция стерилизации избыточных денег... Стабилизационный фонд нужно инвестировать вне пределов страны для того, чтобы сохранить макроэкономическую стабильность внутри страны. Как это не парадоксально, инвестируя туда, мы больше на этом зарабатываем. Не в страну!»

– Целеполагание выступает в связке с *рефлексией*. Одно без другого недействительно. Невозможно ставить цель на будущее, не подведя итога прошлому как результата предыдущих решений. Проектирование будущего выполняется в кон-

кретных координатах пространства и времени. Исходная точка каждого проекта — «здесь и сейчас». Мы проектируем будущее не из реальности США или Швеции, не из царской России или СССР, а из РФ начала XXI века. Для понимания сущности исходной точки надо знать ее генезис (зарождение и развитие в прошлом) и динамику изменений. Для этого необходима рефлексия как особый тип анализа.

Общество без рефлексии не имеет будущего. Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и порча инструментов рефлексии. Это изменение в конце 80-х годов было массовым и поразительным по своей моментальности — как будто кто-то сверху щелкнул выключателем. Распалась цепь времен, а если сказать прямо, то идеологические службы реформы совершили *убийство исторической России*. Проектирование будущих форм исходило из двух принципов: возможно более полного слома советской системы и копирования западных структур как «естественных» и эффективных.

Утрата коллективной памяти вызвала сдвиг от реалистического мышления к аутистическому. Цель реалистического мышления — создать *правильные* представления о действительности, цель аутистического мышления — создать *приятные* представления и вытеснить неприятные, преградить доступ всякой информации, связанной с неудовольствием. Реформаторы и их «элита» впали в крайнее состояние — *грезы наяву*. Исходя из социального запроса этой «элиты» и фабрикуются нынешними сивиллами в лице политологии и футурологии приятные образы будущего.

– Принципиальный дефект той мировоззренческой структуры, на основе которой производилось целеполагание реформ — *этический нигилизм*, игнорирование тех ограничений, которые «записаны» на языке нравственных ценностей. Отсутствие этой компоненты в программах больших реформ выхолащивает их смысл, лишает легитимности. Постановка цели реформы всегда предваряется манифестами, выражающими этическое кредо ее интеллектуальных авторов. Они обязаны сказать людям, «*что есть добро*» в их программе и что есть *меньшее зло* по сравнению с альтернативными программами.

Сами по себе политические или экономические инструменты или механизмы (демократия, рынок и пр.) не могут оправдывать слом жизнеустройства и массовые страдания людей. Современный капитализм и буржуазное общество могли быть построены потому, что им предшествовало построение новой нравственной матрицы — *протестантской этики*. Она предложила людям новый способ *служения Богу*, инструментом которого, в частности, была нажива. Именно в *частности*, как один из инструментов, а не как идеальная цель.

Ничего похожего не имело места в постсоветской России. За первые десять лет перестройки и реформы обществоведение реформаторов много сделало, чтобы вообще устранить из мировоззренческой матрицы власти сами понятия греха и нравственности, заменив их критерием экономической эффективности. Реформа не просто не сформировала чего-то похожего на протестантскую этику, она сфор-

мировала ее *антипод* — этику социального хищника и расхитителя средств производства и жизнеобеспечения общества.

Если мы вспомним весь перечень частных целей, поставленных в реформе, то убедимся, что ограничения не упоминались вообще или затрагивались в очень расплывчатой, ни к чему не обязывающей форме (вроде обещания Горбачева «конечно же, не допустить безработицы» или обещания Ельцина «лечь на рельсы»).

Разрушение методологической базы реформ шло быстро — сейчас страшно читать даже академические труды «ведущих философов и экономистов», авторов доктрин того времени. Это бессвязная мешанина марксистских и неолиберальных понятий и категорий с отходом от элементарных норм логики и последовательности шагов в рассуждениях. Неопределенность *целей, средств, индикаторов и критериев* и сейчас продолжает быть присущей всем изменениям, которые власть пытается внести в жизнеустройство страны. Это движение без компаса и карты грозит России многими бедами.

– Программами-вирусами для долгосрочного целеполагания постсоветской России стали *абсурдные* (с точки зрения легальных критериев) идеи и доктрины. Примером служит доктрина *деиндустриализации* России, которая реализуется на практике. В частности, А.Н. Яковлев предложил доктрину «Семь «Де» — семь магических действий, которые надо совершить в ходе реформы. Это — формула целеполагания, обнародованная академиком РАН, членом Политбюро ЦК КПСС, «архитектором» перестройки. Четвертым «Де» у него и стоит *деиндустриализация*. Разъяснение этой немыслимой цели заменено бессвязными и не имеющими отношения к теме банальностями. Это редкостное по своей иррациональности стремление уничтожить отечественную промышленность широко распространено в реформаторской элите.

Надо подчеркнуть, что деиндустриализация представляет прямую национальную угрозу для русского народа. Хотим мы этого или нет, но за XX век образ жизни почти всего русского народа стал *индустриальным*, то есть присущим индустриальной цивилизации. Даже в деревне почти в каждой семье кто-то был механизатором. Машина с ее особой логикой и особым местом в культуре стала неотъемлемой частью мира русского человека. Русские стали ядром рабочего класса и инженерного корпуса СССР. На их плечи легла главная тяжесть не только индустриализации, но и технического развития страны. Создание и производство новой техники сформировали тип мышления современных русских, вошли в центральную зону мировоззрения, которое сплачивало русских в народ. Русские по-особому организовали завод, вырастили свой особый культурный тип рабочего и инженера, особый технический стиль.

В сознании антисоветской элиты укоренилась нелепая версия утопии «постиндустриализма», при котором человечество якобы будет обходиться без материального производства — промышленности и сельского хозяйства. Г. Греф, будучи министром, сделал такое заявление: «Могу поспорить, что через 200–250 лет

промышленный сектор будет свернут за ненадобностью так же, как во всем мире уменьшается сектор сельского хозяйства».

Академик Н.П. Шмелев сократил срок ликвидации промышленности до 20 лет. Он так видит будущее России: «Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2–3% в традиционной промышленности и 1–1,5% в сельском хозяйстве) — значит, это и наша перспектива».

В этом умозаключении имеет место тяжелое нарушение логики. Однако эту мысль развивает В.Ю. Сурков: «Поэтому мы так долго топчемся в индустриальной эпохе, все уповаем на нефть, газ и железо... Нам не нужна модернизация. Нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы... Речь действительно идет о принципиально новой экономике, новом обществе». Это — стратегическая концепция, претендующая быть примером нарочитого абсурда¹.

– Культура предвидения в России не выдержала удара *постмодерна*. В рамках нашей темы постмодернизм — это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики и рациональности. Это стиль, в котором “все дозволено”, “апофеоз беспочвенности”. Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей. Этот переход накладывается на более широкий фон *антимодерна* — отрицания норм рационального сознания вообще. В политической практике это означает постоянные *разрывы непрерывности*, что резко затрудняет рефлекссию и предвидение.

Человек парализован наблюдаемой реальностью. Постмодернистский характер политических технологий, применяемых при «демократизации» России, проявляется в архаизации общественных процессов. Можно вспомнить танковый расстрел Дома Советов в 1993 г. в Москве. Россия стала *обществом спектакля*, а оно несовместимо с предвидением и проектированием будущего. Граждане стали зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. Теряется ощущение реальности, люди перестают понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Жизнь приобретает черты карнавала, условности и зыбкости. Человек утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима *диалога*, он оказывается в социальной изоляции. Такое состояние поддерживается искусственно, возник даже особый жанр и особая способность — *непрерывное говорение*. На радио и телевидении появились настоящие виртуозы этого жанра.

Но особенно важно для нашей темы то ощущение «псевдоциклического» времени, которое возникает у человека, наблюдающего политический спектакль. Время спектакля, в отличие от исторического времени, становится не общей ценностью, а разновидностью товара, который потребляется в стандартных упаковках.

¹ Доктрина деиндустриализации ради «постиндустриализма» полностью противоречит всему тому знанию, которое к середине 90-х годов было накоплено о постиндустриальном обществе. Было показано, что это общество вовсе не «деиндустриализованное», а *гипериндустриальное*.

Один «пакет» спектакля «стирает» другой — «история смысла не имеет!» Общество спектакля — это «вечное настоящее».

В реальной жизни время, как важнейшая координата бытия, ощущается в связи «прошлое – настоящее – будущее». Спектакль способен «остановить» настоящее, и в нем не остается места для проявления воли человека, будущее запрограммировано режиссером. Режиссеры спектакля становятся абсолютными хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов.

Заключение

В каком же состоянии находится в России духовная деятельность по *предвидению* будущего и *конструированию* будущих социальных форм? Прежде всего наша культура утратила инструменты и навыки для войны «образов будущего». Мы не только проиграли эту войну в 90-е годы, но и отравили свой организм внедренными нам вырожденными образами-вирусами. Без излечения мы не выберемся из той экзистенциальной ловушки, в которую угодили в конце XX века, но излечение идет очень медленно. Поражение этой части нашего общественного сознания является системным.

Состояние арсенала средств для этой работы сегодня плачевно. Главные изъяны нашего интеллектуального оснащения вызваны тем, что подавлена рефлексия и испорчены ее инструменты (архивы, статистика, стандарты отчетности). Снижен общий уровень рационального мышления (мера, логика, различение категорий и понятий, смешение индикаторов и критериев). За 90-е годы в России распались профессиональные сообщества, а СМИ, обязанные служить каналами социодинамики знаний, в основном работают на создание хаоса.

Но главным следствием нашего кризиса, парализующим способность к предвидению и проектированию будущего, является **аномия России**.

Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между «навязанными» обществом потребностями и возможностями их удовлетворения — вот причины возникновения этой аномии. Она привела к ослаблению или разрыву связей между людьми, «рассыпала» почти все крупные общности, стёрла из сознания многие нравственные и правовые нормы. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Результатом стало исчезновение коллективных субъектов предвидения и формирования образа будущего.

Произошла глубокая дезинтеграция российского общества и утрата идентичности большинством личностей. Обрезав советские корни, жители России не обрели других и становятся людьми ниоткуда, идущими в никуда. Проблемы страны не воспринимаются большей частью населения как общие, требующие сочувствия и мобилизации усилий всех. Это и не позволяет выработать **общий** образ будущего.

Беспокойство, страхи и пессимистическое восприятие будущего не позволяют людям строить долговременные жизненные планы, а именно они и побуждают к мыслям о будущем. Согласно опросу 2003 г., 81,7% респондентов не планируют свою жизнь или планируют ее не более чем на один год. Сегодня почти три четверти россиян обеспокоены одним: как обеспечить свою жизнь в ближайшем году. Как подчеркивают социологи, «тревожность и неуверенность в завтрашнем дне присущи представителям **всех слоев и групп населения**, хотя, конечно, у бедных и пожилых людей эти чувства проявляются чаще и острее».

Граждане России не хотят «глядеть в будущее». Сокращение «социальной жизни» человека релятивизирует его взгляды, оценки, отношение к нормам и ценностям. Особенно сильно социальная катастрофа повлияла на сокращение длительности жизненных проектов молодого поколения.

В этих условиях мы должны сконструировать и создать социальные формы, в которых деятельность по разработке новой методологической базы для предвидения и проектирования будущего могла бы вестись и в этих аномальных неблагоприятных условиях — как вели свои летописи «монахи в темных кельях» даже в условиях вражеских нашествий.

Исходя из этого срочные задачи групп и ячеек, берущихся за предвидение и проектирование образа будущего и конструирование новых социальных форм, видятся следующим образом:

- создание нескольких площадок для обсуждения методологических проблем предвидения и проектирования будущего и соединение их в сети;
- проведение упрощенного системного анализа ситуации в сфере данной деятельности и грубый мониторинг наличных ресурсов;
- составление «карты» главных угроз для России и определение «границ возможного» для проектирования социальных форм будущего;
- выбор критически важных объектов, требующих срочных и чрезвычайных усилий по социальному проектированию (народ, общество, классы, профессиональные сообщества);
- выбор стратегического критерия к проектированию «службы ремонта» поврежденных и строительства новых социальных систем.